

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В МОЛДАВСКОЙ СОВЕТСКОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Чарльз Кинг

В конце 80-х годов, когда в советских республиках стали возникать неформальные движения, формировавшиеся вокруг таких вопросов, как сохранение окружающей среды, вывод ядерного оружия и демократизация, в Молдавской Советской Социалистической Республике (МССР) аналогичные движения выкристаллизовывались вокруг вопроса о «молдавском» языке — его статусе в МССР, алфавите, на котором он должен писаться, а также его отношения к стандартизированному литературному румынскому языку. Борьба с русификацией языков титульных наций стала существенным фактором консолидации для неформалов во всех советских республиках, за исключением РСФСР, однако ни в какой другой союзной республике он не приобрел такое значение и не сыграл столь значительную роль в деле дискредитации местного партийного аппарата, как в МССР.

В феврале 1989 года Первый секретарь Коммунистической партии Молдавии Семен Гроссу, отличавшийся полным отсутствием политической харизмы, выступая перед демонстрантами, заявил, что хотя в ближайшее время МССР вернется к использованию алфавита, основанного на латинице, этот алфавит не будет румынским. «Молдавский» язык, заявил Гроссу, будет включать в себя другие буквы и звуки¹. Для специалистов, занимавшихся молдавской историей, заявление Гроссу вполне вписывалось в причудливую традицию истории «молдавского» языка. С момента аннексации Советским Союзом Пруто-днест-

ровского междуречья в 1940 году советская языковая политика в свежеиспеченной МССР была направлена на разрыв связей между этническим румынским большинством республики и румынами, живущими на западном берегу Прута. Переход на кириллицу и внедрение русских слов и кальк с русского языка должны были подорвать ощущение единства молдаван с их собратьями по другую сторону Прута и привести к созданию иной «молдавской» языковой, культурной и политической идентичности. Советское руководство приложило немалые усилия для того, чтобы подчеркнуть различие между румынским и «молдавским» языками, и даже в 1989 г. Первый секретарь Гроссу боролся за сохранение идеи двух различных восточно-романских языков.

Запутанная история Пруто-днестровского междуречья и советской языковой политики в МССР была тщательно задокументирована Майклом Бручисом и другими авторами. В этой статье я рассмотрю языковую ситуацию в конце 80-х годов, а также ключевой фактор «молдавского языка» в деле утраты советского контроля над МССР. В заключении я намерен доказать, что хотя фиктивный характер идеи отдельного «молдавского» языка стал очевиден, вопрос об отдельной молдавской идентичности является гораздо более сложным. События, произошедшие с момента провозглашения молдавской независимости в 1991 году, продемонстрировали, что молдавская национальная идентичность есть нечто большее, нежели циничное изобретение советской пропаганды.

РОСТ РОЛИ ЯЗЫКОВОГО ВОПРОСА

Хотя к середине 1988 года во многих советских республиках произошли крупные перемены, в МССР к этому моменту мало что изменилось. Несмотря на критику из Москвы в течение второй половины 80-х² Первому секретарю Гроссу удавалось сдерживать реформистские силы в узде, главным образом благодаря тому, что всякое проявление недовольства он объявлял национализмом и следствием плохой работы кадров. На пленуме КПМ в январе 1988 года Первый секретарь проявил требуемую долю самокритики: он признал, что ему «все еще не удалось полностью провести перестройку», и при этом подверг традиционной критике республиканские партийные органы за медлительность в деле укрепления реформ³.

Накануне XIX партконференции КПСС Гроссу отметил, что «языковая проблема» вызывала некоторую озабоченность среди молдаван, но что любая лингвистическая проблема может быть решена в рамках расширения «национально-русского двуязычия». Он повторил эту

1. Denis LeGras, «Nationalisme: la Moldavie aussi...» *Le Figaro* (28 February 1989) 4.

2. См. Советская Молдавия (23 октября 1986 г.), Известия (2 декабря 1986 г.) и Социалистическая индустрия (12 декабря 1986 г.). См. «В центральном Комитете КПСС», Правда (15 декабря 1983 г.) 1.

3. Советская Молдавия (19 января 1988 г.) 2–4.

формулировку, выступая на конференции и заявив, что республиканская компартия уделяет «особое внимание развитию национально-русского двуязычия»⁴. Любой призыв к бóльшей активности в деле решения национального вопроса наткнулся на заверения в республиканской прессе со стороны Гроссу и других в том, что этот вопрос уже решен⁵. Один из литературоведов, занимавшийся творчеством молдавского (и румынского) национального поэта Эминеску, написал в июне 1988 года что «молдоване и русские, литовцы и украинцы, братья из Буковины и Буджака» (однако любопытно, что румыны не были упомянуты) были «объединены в братство», основанное на любви к Эминеску⁶.

Такое воззрение на национальные отношения в Молдове при Гроссу было лишь естественным. Назначенный на смену Ивану Бодюлю в 1980 году Гроссу в 1988 году принадлежал к вымирающей категории советской номенклатуры — могущественных первых секретарей республиканских компартий. Как его язык, так и его стиль были типичны для уходящей эпохи союзных республик. Более того, Молдова, как единственная советская республика, чья титульная национальность была представлена суверенным государством, не входившим в состав СССР, представляла собой особый случай в кадровой политике Москвы по отношению к союзным республикам. Тот факт, что Бодюль и Гроссу были последними республиканскими лидерами, смещенными при Брежневе и Горбачеве, свидетельствует об особом значении, которое Москва придавала поддержанию порядка в Молдове. Замена Брежневым Бодюля на Гроссу (на тот момент он был самым молодым среди республиканских первых секретарей) могла быть попыткой престарелого генсека назначением более молодого, динамичного лидера в Кишиневе противостоять ирредентистским поползновениям, исходившим из Румынии. Аналогичным образом, Горбачев не мог позволить себе повторения беспорядков, которые последовали за снятием Кунаева в Казахстане в декабре 1986 года.

В начале 1988 года, в ситуации, когда Москва отстранилась, а Гроссу продолжал обсуждать национальные проблемы в терминах «марксистско-ленинской национальной политики», языковой вопрос стал приобретать особое внимание. В январе были опубликованы материалы XX съезда молдавского комсомола. Съезд, который состоялся за десять месяцев до того, рассматривался в то время как значительное событие, пример политики перестройки в республике, поскольку несколько высокопоставленных комсомольских руководителей были сняты за невыполнение своих обязанностей. Но когда материалы съезда были полностью опубликованы, серьезность национально-

4. «Cuvîntarea delegatului Grossu S. C., *Moldova Socialistă* (3 июля 1988 г.) 1.

5. «32 de naționalităț într-un singur colectiv», *Moldova Socialistă* (16 июня 1988 г.) 1.

6. Constantin Bobeica, «Visul unui tei», *Moldova Socialistă* (16 июня 1988 г.) 4.

го вопроса в МССР стала очевидной. В обзоре материалов, напечатанном в «Комсомольской правде» говорилось: «Следует честно признать, что в Молдове, наряду с представителями титульной национальности проживают десятки тысяч болгар, гагаузов, немцев и цыган, и они отнюдь не сплоченная дружная семья»⁷. Более того, похоже, что одним из главных вопросов, который рассматривался на съезде, была русификация молдавского языка, тогда как проблема окружающей среды в МССР «не породила особого энтузиазма в аудитории»⁸.

Признание языковой проблемы в союзной прессе как легитимного вопроса для обсуждения придало импульс молдавским неформалам, которые сформировали в 1988 году молдавское Движение в поддержку перестройки, а также Литературно-музыкальный клуб имени Алексея Матеевича, названный в честь автора известной поэмы «*Limba noastră*» «Наш язык». Аналогичные организации в других союзных республиках рассматривали горбачевскую политику гласности и перестройки как инструмент борьбы против консервативных сил в своих собственных республиках; апеллируя напрямую к Москве, лидеры этих движений надеялись обойти республиканское партийное руководство и стимулировать возрождение национальной культуры в рамках политической и экономической перестройки.

Изначально, две ведущие неформальные организации выдвинули широкий диапазон политических и экономических требований, включавших преобразование СССР в федеративный союз подлинно суверенных государств, переход к рыночным механизмам и плюрализму форм собственности, юридические гарантии соблюдения прав человека и усиление мер защиты окружающей среды⁹. Однако развитие событий уже в том же году привело к тому, что в платформах обеих неформальных движений появилось одно конкретное требование, состоявшее из трех частей, которому стало уделяться все большее внимание: республиканское руководство должно было признать единую идентичность румын и молдован, молдавский должен был быть объявлен государственным языком МССР, и республика должна была вернуться к латинскому алфавиту. Кириллица, по мнению неформалов, изуродовала звучание молдавских фамилий и названий населенных пунктов, поскольку плохо отражала фонетическую структуру молдавского языка. Как отметил один из авторов, «это просто возмутительно, что в республике с относительно высоким уровнем развития значительная часть фамилий в настоящий момент столь из-

7. Комсомольская Правда (10 января 1988 г.).

8. FBIS-Sov (12 января 1988 г.) 52–53.

9. Vladimir Socor, «The Moldavian Democratic Movement: Structure, Program and Initial Impact». Radio Liberty Report on the USSR (24 февраля 1988 г.) 29–35, и Socor, «The Alexei Mateevici Cultural Club: An Informal Group Becomes a Mass Movement», (25 августа 1989 г.) 23–25.

«Анонимная Акция».
Творческий проект четырех художников: Гены Попеску, Андрея Гамарца, Александра Раевско-го, Татьяны Федоровой (Молдова). 2004–2008. Инсталляция: 45 елок, найденных после празднования Нового года в 2004 году, покрашенных в красный цвет гуашью из советских за-пасов и представленных зрителю вместе с фото- и прочей доку-ментацией. Работа пре-доставлена авторами

уродованы»¹⁰. Республиканская газета *Literatura si arta*, отстаивавшая интересы неформалов, рассказала о случае некоего Andrei Mata, у которого было шестеро детей, но у всех были разные фамилии: в свидетельствах о рождении, заполненных в роддоме, было записано шесть разных вариантов написания кириллицей одной и той же фамилии, среди которых были «Мыцы», «Мицу» и «Мацэ»¹¹.

По мере того как требования, касавшиеся языкового вопроса, получали все большее внимание, республиканское правительство согласилось сформировать комиссию под эгидой Молдавской академии наук и Верховного Совета МССР. «Межведомственная комиссия по изучению истории и проблем развития молдавского языка» была разделена на четыре секции, каждая из которых занималась определенным списком вопросов, связанных с молдавским языком.

Однако прежде чем комиссия подготовила свой заключительный отчет, КПМ опубликовала проект тезисов «Под-

крепим перестройку конкретными шагами»¹². Тезисы содержали важное признание ошибок, совершенных в «период застоя», многие из которых привели к нехватке жилплощади, загрязнению окружающей среды, религиозной нетерпимости, деморализации республики и белым пятнам в молдавской истории. Но в языковом вопросе позиция КПМ оставалась неизменной: во-первых, любые разговоры о необходимости развития молдавского языка, должны рассматриваться в контексте ленинской национальной политики и развития других языков республики, иными словами, никакой язык не должен иметь привилегированного статуса. Во-вторых, дальнейшие шаги должны быть приняты для развития полного национально-русского двуязычия, поскольку русский является естественным языком межнационального общения внутри Молдовы, а также между союзными республиками. В-третьих, молдавский народ пользовался кириллицей в течение веков и она в точности соответствует фонетической структуре молдавского языка; переход на латиницу не только отрицательно сказался бы на духовном развитии нации и сделал бы все население республики неграмотным, но стоимость замены типографского оборудования была бы непоправимо высокой.

И, наконец, в тезисах был затронут вопрос молдавско-румынской идентичности: «...нет никакого сомнения в том, что молдавский и румынский языки принадлежат к романской языковой группе. В сущности, разница между ними невелика. Но признание общности, идентичности с другими языками той же романской группы не может служить основанием для отказа от одного в пользу другого»¹³. Иными словами, дело выглядело так, как если бы румынский и молдавский были одновременно и идентичными и различными языками. Более того, раздел, посвященный языковому вопросу, завершался комментарием о том, что никакой язык «не функционирует в изолированном пространстве, но живет и развивается во взаимодействии с другими языками, не утрачивая при этом своей оригинальности и самостоятельности»¹⁴, и утверждением, что с точки зрения КПМ молдавский язык не должен занимать особую позицию.

Партийные тезисы породили в Молдове волну демонстраций. Демонстранты пикетировали офисы ПКМ, в Межведомственную комиссию были направлены заявления (к концу декабря было собрано около десяти тысяч подписей)¹⁵, а кишиневские студенты устроили забастовки. Месяц спустя после опубликования тезисов Гроссу был вынужден сделать шаг назад. Он заявил, что тезисы были лишь структурой для

10. A. Rotaru, «Durerea si speranța noastră — Graiul matern», *Moldova Socialistă* (3 декабря 1988 г.) 3.

11. Grigore Singurel, «Moldavia on the Barricades of Perestroika», *Radio Liberty Report on the USSR* (24 февраля 1989 г.) 46.

12. «Să afirmăm restructurarea prin fapte concrete», *Moldova Socialistă* (11 ноября 1988 г.) 1–3.

13. «Să afirmăm» (1988 г.) 3.

14. «Să afirmăm» (1988 г.) 3.

15. «La ședința comisiei interdemartamentale», *Moldova Socialistă* (31 декабря 1988 г.) 3.

обсуждения, а не политическим заявлением¹⁶. К концу декабря Гроссу согласился на постепенный переход на латиницу¹⁷.

Первому секретарю КПМ должны были быть известны выводы исследования Межведомственной комиссии; к концу месяца она опубликовала свой отчет, в котором рекомендовалось принять требование неформальных группировок, состоявшее из трех частей. В частности, в нем доказывалось, что переход на латинскую письменность таил в себе даже экономическое преимущество, поскольку позволял печатать на десять процентов больше букв на страницу¹⁸. Хотя Гроссу и согласился на требование о смене алфавита, он твердо настаивал на уникальности молдавского языка и на необходимости сохранения национально-русского двуязычия.

Со временем позиция КПМ по языковому вопросу становилась все более неприемлемой и вела к дискредитации партийного руководства. Приняв одну из трех частей требования неформалов, Гроссу поставил себя в почти невозможную позицию по отношению к двум остальным частям. После перевода молдавского языка на латиницу доказывать разницу между молдавским и румынским стало невозможным. После публикации тезисов интерес к языковому вопросу резко увеличился, при этом все большее внимание стало уделяться отношениям между молдавским и другими языками республики. Более того, по мере того как Гроссу пытался отстоять свою позицию перед лицом нарастающей оппозиции, его доводы становились все более смехотворными; его высказывание по поводу орфографического обозначения фрикативных согласных является лишь одним из примеров неудачных заявлений Первого секретаря.

Как если бы того, что Гроссу сделал себя посмешищем в глазах всей республики было недостаточно для дискредитации КПМ, репутацию компартии добил ещё и коррупционный скандал. В январе 1989 года был арестован Виктор Смирнов, который был Вторым секретарем ЦК КПМ с 1984 года по ноябрь 1988-го. Ему было предъявлено обвинение в причастности к «узбекским делам». Хотя позднее Смирнов был освобожден, сам факт его возможной причастности к нашумевшему «узбекскому скандалу» привел к тому, что Смирнов был выведен из состава ЦК КПМ¹⁹.

Позиции партии были еще более ослаблены в марте 1989 года в результате выборов на Съезд народных депутатов (СНД) СССР, на кото-

рых значительных успехов добились неформальные движения. Кандидатам от Молдавского движения в поддержку перестройки и Клуба имени Алексея Матеевича удалось победить на выборах в избирательных округах членов Политбюро ЦК КПМ, председателя республиканского КГБ, а также нескольких районных секретарей²⁰. В целом, 10 мест на съезде достались активистам и сторонникам неформальных движений, на передний план выдвинулись такие деятели, как Николай Дабижа, Ион Друце, Ион Хадыркэ и Григорий Виеру. Завоевав 10 из 16 оспариваемых мест, на которые им было позволено баллотироваться, неформалы доказали, что представляют огромную угрозу гегемонии КПМ. Благодаря своей победе они заручились всесоюзной трибуной, с которой могли выдвигать требования о культурной перестройке в МССР.

В результате промолдавской позиции, занятой Межведомственной комиссией в языковом вопросе, и дискредитации партийного руководства центр власти в МССР сместился, и Верховный Совет постепенно стал играть руководящую роль, которая ранее принадлежала КПМ. В конце января 1989 года Верховный Совет поручил ряду своих постоянных комиссий, а также группе экспертов составить проект законов о статусе молдавского и русского языков и переходе на латинский алфавит. Опубликование летом законопроектов «О статусе государственного языка МССР», «О переводе молдавского языка на латинскую письменность» и «О функционировании языков на территории МССР» знаменовало новый этап в языковых дебатах. Тысячи писем пришли в редакции ряда республиканских газет, когда власти решили провести через них опрос общественного мнения по языковому вопросу; к концу августа более четверти миллиона граждан написали письма в газету «Moldova Socialista», большинство из них выразило поддержку законопроектам, которые предусматривали возврат к латинской графике и предоставление молдавскому языку статуса государственного²¹.

НАРОДНЫЙ ФРОНТ

Когда планы серьезных языковых перемен в Молдове были преданы гласности, в МССР начала расти напряженность между молдавским большинством и русским и гагаузским национальными меньшинствами. Споры о языке стали быстро приобретать национальную окраску, по мере того как в середине и конце лета молдаване, русские и гагаузы начали создавать объединенные фронты.

В мае 1989 года члены Клуба имени Алексея Матеевича, Движения

16. Jonathan Eyal, «Soviet Moldavia: History Catches Up and a „Separate Language“ Disappears», *Radio Liberty Report on the USSR* (24 февраля 1989) 28.

17. S. Grossu «Timpul acțiunilor concrete», *Moldova Socialistă* (29 декабря 1988 г.) 3.

18. «Notarîrea comisiei interdepartamentale pentru studierea istoriei si problemelor dezvoltării limbii moldovenești», *Moldova Socialistă* (30 декабря 1991 г.) 1. Полный отчет комиссии опубликован под названием «Cu privire la statutul lingvistic și social al limbii moldovenești», *Limba și literatura moldovenească* 2 (1989) 13–41.

19. Georgi Stoilik, «Bribe Connection Revealed», *Moscow News* (22 февраля 1989 г.) 15; и «Таковы факты», *Советская Россия* (25 мая 1989 г.) 6.

20. Vladimir Socor, «Unofficial Groups Score Unexpected gains in Elections in Moldavia», *Radio Liberty Report on the USSR* (12 мая 1989 г.) 17–20.

21. V. Odoleanu, «Vețe în poate», *Moldova Socialistă* (11 августа 1989 г.) 4.

в поддержку перестройки и ряда других мелких неформальных организаций сформировали Народный фронт Молдовы (НФМ). Примечательно, что в названии фронта (Frontul Popular ai Moldovei) была использована форма родительного падежа существительного — ai Moldovei — Молдовы, а не именительный падеж прилагательного moldovanesc — молдавский, что указывало на то, что новая организация, как и в случае с прибалтийскими республиками, рассчитывала привлечь в свои ряды представителей всех национальностей, проживавших в республике. Около двухсот делегатов, включая представителей русского, болгарского и гагаузского населения республики, встретились на учредительном съезде НФМ в конце мая в Кишиневе. Съезд принял программу и избрал исполком, состоявший из девяти членов, одним из которых был недавно избранный депутат СНД Ион Хадыркэ. Программа Фронта состояла из 20-ти пунктов, которые содержали страстный призыв к политической перестройке, суверенитету и решению экологических проблем Молдовы. При этом подчеркивалась важность языкового вопроса, и вновь было высказано требование о придании молдавскому языку статуса государственного языка МССР²².

С самого начала НФМ пользовался широкой поддержкой даже среди влиятельных членов республиканского правительства и партийного руководства. Первый секретарь кишиневского горкома Н. А. Циу и депутаты СНД, такие как протоиерей Петру Бубуруз и Ион Друце, были активно вовлечены в деятельность Фронта. Даже Мирча Снегур, председатель Верховного Совета МССР, выступил на крупном митинге Народного фронта на следующий день после своего избрания на этот пост²³.

Одна из первых крупномасштабных манифестаций, проведенных НФМ, состоялась 25 июня в ознаменование очередной годовщины ввода советских войск в Бессарабию 28 июня 1940 года. Приблизительно 80 тысяч человек пришли на митинг в Кишиневе, несмотря на проливной дождь. Участники митинга несли иконы, плакаты, осуждающие аннексию Бессарабии, и сине-желто-красный румынско-молдавский флаг, обрамленный траурными черными лентами. Три дня спустя уже не столь многочисленная толпа собралась на центральной площади Кишинева. Участники митинга вновь несли иконы и флаги с траурными ленточками. Они остановили движение автотранспорта в городе на 10 часов и сорвали праздничный концерт в честь включения Бессарабии в состав СССР. В этот день впервые участники акции гражданского неповиновения заблокировали проведение мероприятия, которое было санкционировано властями. Хотя официально НФП был учрежден всего за месяц до этих событий, он уже успел проявить себя как кость в горле

22. Vladimir Socor, «Popular Front Founded in Moldavia», *Radio Liberty Report on the USSR* (9 июня 1989 г.) 23–26; и L. Busuioc, «Pe bază mișcării democratice — Frontul popular din Moldova», *Învațământul Public* (24 мая 1989 г.) 2.

23. Ion Sandu, «Un dialog constructiv», *Moldova Socialistă* (1 августа 1989 г.) 2.

консервативных сил республики²⁴.

Несмотря на то, что некоторые представители гагаузского меньшинства МССР уже в апреле начали выдвигать призывы к предоставлению южным районам республики широкой региональной автономии, член гагаузской организации «Гагауз халкы» (Гагаузский народ) был представлен на учредительном съезде НФМ. На этом этапе «Гагауз халкы» все еще находилась в зачаточном состоянии, ее учредительный съезд состоялся в мае 1989 года, и задачи этой организации оставались неясными. Движение выросло на базе гагаузского культурного клуба в городе Комрат, и ему уже удалось убедить несколько республиканских газет начать публиковать врезки на гагаузском языке²⁵. Однако практически официальные политические цели так и не были сформулированы.

Более воинственно проявила себя летом 1989 года русская организация «Единство», связанная с аналогичными движениями в других частях Союза. Первый съезд «Единства» состоялся в Кишиневе в начале июля 1989 года²⁶. Движение заручилось горячей поддержкой со стороны известных личностей, таких как маршал Ахромеев (депутат СНД от молдавского города Балта). Его члены с самого начала требовали предоставления равных прав русскому и молдавскому языкам.

Позднее — летом того же года — лидеры гагаузского и рус-

Александр Тиней (Молдова — Венгрия). Пожар. 2008, холст, масло, 150×150 см. Работа предоставлена автором

24. Vladimir Socor, «Rallies in Chishinev Mourn Soviet Annexation, Escalate National Demands», *Radio Liberty Report on the USSR* (21 июля 1989 г.) 21–24; и «Miting la Chișinău» *Moldova Socialistă* (27 июня 1989 г.) 4.

25. Vladimir Socor, «Gagauz in Moldavia Demand Separate Republic», *Radio Liberty Report on the USSR*. (7 сентября 1990 г.) 9.

26. Dmitrii Kazutin, «A Hot Summer», *Moscow News* (27 августа 1989 г.) 8.

Дарина Алстер (Darina Alster, Чехия). *Весна при-дет*. 2006, перформанс. Работа предоставле-на студией Divus (Пра-га, Чехия)

ского национальных меньшинств призвали к обеспечению равного статуса русскому и молдавскому языкам, а не предоставлению русскому второстепенной роли «языка межнационального общения». Для того чтобы подчеркнуть важность своих требований, русские рабочие начали забастовки на предприятиях Тирасполя, Тигины и Рыбницы, а гагаузы начали разрабатывать планы провозглашения своей автономной республики.

ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ И ВЕЛИКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ СОБРАНИЕ

Забастовки продолжались и в преддверии сессии Верховного Совета в конце августа. Хотя сессия была рассчитана на два дня, она растянулась на четыре дня. Делегаты обсуждали вопросы государственного языка и перехода на латинскую письменность. Перед зданием Верховного Совета в Кишиневе Народный фронт созвал «Великое национальное собрание» (Marea Adunare Nationala), ВНС, — массовый митинг, который должен был представлять мистическое выражение воли молдавского народа. В Великом национальном собрании приняли участие полмиллиона человек²⁷, и к тому моменту оно стало самым яростным выступлением против советской аннексии Бессарабии и упадка роли молдавского языка и культуры за прошедшие полвека.

Собрание было открыто благословением отца Бубуруза. Перед его участниками выступили ряд депутатов СНД (в том числе Хадырке и Виеру), председатель Верховного Совета Снегур и представитель литовского движения за независимость, который извинился за то, что говорил по-русски, «на языке оккупантов»²⁸. ВНС также стал первым крупным мероприятием, на котором языковая реформа рассматривалась лишь как одно из ряда других не менее важных требований. Почетный президент Собрания Ион Хадырке, тогда председатель Клуба имени Алексея Матеевича, требовал предоставления республики полно-

го суверенитета²⁹ и призвал к выводу советских войск («оккупационной армии») с молдавской территории³⁰. Поэт Григорий Виеру подытожил задачи Собрания: «Человеку нужны для счастья четыре вещи: хлеб и соль на столе, экономическая и политическая свобода, свобода вероисповедания и, конечно же, духовная свобода, которая, в первую очередь, включает в себя свободу говорить на родном языке»³¹.

Все эти идеи были выражены в заключительном документе «О государственном суверенитете и нашем праве на будущее», принятом Собранием³². В манифесте излагалась история Пруто-днестровского междуречья — его раздел между Австро-Венгрией, которой досталась Буковина, и Россией, которая захватила Бессарабию, провозглашение независимости в 1918 году и объединение с Румынией и противозаконная аннексия области Советским Союзом в 1940 году. В нём содержался призыв к полному национальному суверенитету (включая контроль республики над всеми ресурсами и право вето на союзные законы, которые вступали в противоречие с республиканскими) к установлению республиканского контроля над отношениями с иностранными державами, закону о гражданстве и признанию права на отделение от СССР. Примечательно, что языковой вопрос — ради которого было созвано Собрание — оказался лишь в середине списка требований.

Одновременно в Кишиневе и Тирасполе были проведены митинги сторонников «Единства», и более сотни предприятий и трудовых коллективов, преимущественно на левом (восточном) берегу Днестра, провели забастовки в знак протеста против законопроектов, которые были поставлены на обсуждение сессии Верховного Совета. Несмотря на то, что несколько членов Верховного Совета обвинили как Народный фронт, так и «Единство» в оказании давления в период проведения сессии, парламент тем не менее принял 31 августа законопроекты о языке в последнем чтении. Молдавскому был предоставлен статус государственного языка, «применяемого в политической, экономической, общественной и культурной жизни», с письменностью «на основе латинского алфавита»³³. В специальном пункте содержались гарантии защиты и развития гагаузского языка, поскольку большинство гагаузов СССР проживало на территории МССР. В другом пункте гарантировались условия, необходимые для развития русского языка как языка общения между республиками СССР, но не как языка межнационального общения внутри республики. Хотя и специальный закон об отношениях между румынским и молдавским языками не был принят, в преам-

27. «Sărbătoarea Sufletului», *Moldova Socialistă* (31 августа г.) 4.

28. «Manifestare de amploare» *Moldova Socialistă* (31 августа г.) 4.

29. G. Lupușor, I. Misail, и I. Sandu, «Înseninată zi a demnității», *Tinerimea Moldovei* (30 августа 1989 г.) 2

30. «Manifestare» (1989 г.) 4.

31. «Manifestare» (1989 г.) 4.

32. «Documentul Final al Marii Adunări Naționale», *Literatura și Arta* (31 августа 1989 г.) 2.

33. «Cu privire la statutul limbii de stat a R. S. S. Moldovenești», *Literatura și Arta* (7 сентября 1989 г.) 3.

буле к «Закону о функционировании языков, используемых на территории МССР» вскользь упоминалось, что было принята в учет «реально существующая молдавско-румынская языковая идентичность» (*identitate lingvistica moldo-romana realmente existentă*)³⁴. Поэтому в законе было сохранено выражение «молдавский язык».

Сессия Верховного Совета ознаменовала начало нового этапа в молдавской борьбе за независимость и начало насильственного конфликта между титульным населением республики, русскоязычным населением левобережья Днестра и тюркоязычными гагаузами на юге. Новые законы создали новые источники недовольства. Складывалась новая ситуация.

Во-первых, новый политический лидер, председатель Верховного Совета Мирча Снегур затмил собой как дискредитировавшего себя Гроссу, так и его преемника Петра Лучинского, и был готов к совместным действиям с группировками, выступавшими за полный разрыв с Москвой.

Во-вторых, в глазах русского и гагаузского руководства республиканское правительство заняло позицию, направленную против национальных меньшинств Молдовы, против «интернационалистических» (читай: прорусских) идеалов, провозглашенных Москвой и руководством КПМ. Таким образом, меньшинства оказались в ситуации противостояния республиканскому правительству, а не только отдельным промолдавским неформальным движениям. Гагаузы и приднестровские русские вскоре предприняли шаги, направленные на создание собственных правительственных структур, что в конечном счете привело к провозглашению независимых Приднестровской и Гагаузской республик внутри границ Молдовы.

В-третьих, начали намечаться линии раскола между Снегуром и частью Народного фронта. Снегур, который на раннем этапе проявил себя как сторонник Фронта, вскоре оказался между двух огней — между русским и гагаузским населением республики, с одной стороны, и более радикальными элементами НФМ, которые постепенно выдвигали все более воинственные требования относительно воссоединения с Румынией, — с другой. То, что в августе 1989 года выглядело как довольно единый националистический фронт, объединивший членов республиканского правительства, крестьян и интеллигенцию под знаменем *Marea Adunare Nationala*, раскололось на различные группировки с различными целями и интересами, которые вступали в конфликт друг с другом.

В-четвертых, по мере того как республиканское руководство высвобождалось из под контроля компартии, его члены начали выступать за отделение Молдовы от Союза ССР. Несмотря на неоднократные призывы Горбачева (с момента начала беспорядков он приложил особые

34. «Cu privire la funcționarea limbilor vorbite pe teritoriul R. S. S. Moldovenești», *Literatura și Arta* (7 сентября 1989 г.) 3.

усилия для вмешательства в Молдове)³⁵, в июне 1990 года Верховный Совет провозгласил государственный суверенитет. Год спустя молдавский парламент (бывший Верховный Совет) провозгласил полную независимость Республики Молдова, обострив конфликт с национальными меньшинствами республики и ознаменовав новый этап в развитии «Бессарабского вопроса».

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА

Споры вокруг молдавского языка поначалу представляли собой безобидный с политической точки зрения способ проверки возможности проведения политических перемен в МССР. В силу консерватизма Гроссу, а также уязвимого международного положения Молдовы, прямые призывы, например, к большей демократизации или к решению экологических проблем были бы встречены, скорее всего, жесткими репрессиями как со стороны республиканских, так и центральных властей. Требования большей демократизации означали бы вызов правлению КПМ, возглавляемой Гроссу, и нарушение равновесия, которое даже Горбачев опасался затронуть вплоть до конца 1989 года. Аналогичным образом, выдвижение требований об очистке загрязненного Прута предполагал бы установление более широких молдавско-румынских двусторонних контактов, что породило бы неудобные вопросы относительно общего прошлого обеих республик. Поэтому языковой вопрос имел огромную ценность в качестве «языка», с помощью которого неформалы могли ослабить власть КПМ и создать условия для дальнейшего выдвижения более радикальных требований.

Но, помимо политического удобства языкового вопроса для молдавских неформалов, «языковая политика» в Молдове также разворачивалась вокруг одного из старейших советских вопросов «Кто кого?». Как и в других советских республиках, первоначально главные роли в этой драме играли компартия и Верховный Совет. Возглавляемое Гроссу руководство проявило полную неспособность приспособиться к меняющейся политической обстановке, порожденной «новым мышлением» по национальному вопросу, отвечая заезженными фразами о решении национального вопроса в СССР и приписывая всякий признак национализма тем, «кто пытается нажиться на народном недовольстве»³⁶. Как и сам Горбачев, к 1989 году Гроссу явно «плёлся за событиями» — он реагировал на события, когда они уже произошли, но отнюдь не контролировал их, и до самого конца проявлял себя худ-

35. Vladimir Socor, «Gorbachev and Moldavia», *Radio Liberty Report on the USSR*. (21 декабря 1990 г.) 11–14.

36. S. K. Grossu, «Cu privire la situația social-politică din republică și la sarcinile organizațiilor de partid pentru realizarea orientarilor plenarei din aprilie (1989) a CC al PCUS», *Moldova Socialistă* (12 мая 1989 г.) 2.

шим учеником в науке и практике межнациональных отношений, чем Генеральный секретарь КПСС. В сентябре 1989 года в интервью, данном за месяц до своего смещения и замены Петром Лучинским, Гроссу повторял устаревшую точку зрения на то, что аннексия Молдовы «создала условия для решения бессарабского вопроса мирным путем»³⁷.

Власть в Молдове перешла к Верховному Совету, когда руководство, возглавляемое Гроссу, проявило бессилие перед лицом все более агрессивных требований по языковому вопросу. Публикация тезисов КПМ до опубликования отчета комиссии Верховного Совета представляла собой попытку руководства КПМ восстановить свой контроль над ситуацией. Но враждебность, с которой были встречены тезисы, а также положительная реакция на доклад Межведомственной комиссии свидетельствовали о том, насколько изолированным оказалось руководство компартии, возглавляемое Гроссу, к концу 1988 года.

Через несколько месяцев Верховный Совет уже твердо держал в своих руках бразды правления в республике. Межведомственная комиссия предложила формулировки указов, касающихся правил написания названий географических пунктов и фамилий (возвращаясь к румынскому варианту написания, основанному на латинской письменности); некоторые из этих предложений были немедленно приняты Верховным Советом, что повысило популярность парламента в глазах молдавского национального большинства и продемонстрировало нежелание законодательного органа быть штамповочной печатью КПМ³⁸. Перемена руководства в Верховном Совете, которая произошла в конце июля, когда высший пост был занят прореформистски настроенным Мирчей Снегуром, окончательно определила судьбу КПМ и закат звезды Первого секретаря Гроссу. Когда в августе были приняты законы о языке, а три месяца спустя Гроссу ушел в отставку, вопрос «кто кого» был решен в пользу Верховного Совета, возглавляемого Снегуром.

Другим элементом борьбы за власть в республике стал нарастающий конфликт между молдаванами и русскими, между титульной нацией республики и нацменьшинством, которое выглядело все более враждебным и агрессивным. По сути дела ставки были гораздо больше, нежели вопрос о том, какой язык будет объявлен государственным; в сущности, дискурс неформалов отражал желание не просто провозгласить молдавский государственным языком, но и вернуть в руки молдаван контроль над собственной судьбой. Как заявил в 1989 году молдавский

писатель и депутат СНД Ион Друцэ «Объявление молдавского государственного языка не является самоцелью, скорее речь идет о... восстановлении нашей национальной этничности»³⁹. Кроме того, в период ВНС Друцэ написал зажигательную статью в которой он выразил отношение многих молдаван к русскому нацменьшинству МССР: «Священный долг человека перед землей, на которой он живет, его обязанность оставить ее в целостности и первозданной красоте своим потомкам, и те, кто соблюдают этот долг — зерна, но плевела же считают, что история любого края начинается с момента, когда он поставил свою ногу на его землю, и заканчивается, когда он его покинул... Трагичность ситуации заключается в том, что, к сожалению, у нас слишком мало зерен и слишком много плевел... До сих пор мы находились в ситуации, когда во главе стола сидели плевела, они диктовали когда, как и где остававшиеся зерна должны быть посеяны, когда следует собирать урожай, где собранное зерно следует перемолоть, какой вид хлеба нужно испечь из перемолотой муки и когда его надо есть»⁴⁰. Не было нужды объяснять, кто был зернами, а кто — плевелами.

В призывах, опубликованных неформалами, в речах, произнесенных в воскресные вечера, в заключительной резолюции Marea Adunare Nationala и, наконец, в молдавской декларации независимости упор всегда делался на том, что независимость Молдавского княжества была отобрана империями Романовых и Габсбургов, что «народ, который дал свое имя республике», должен контролировать ее и что территории Бессарабии и северной Буковины составляют «историческое и национальное пространство» молдавского народа⁴¹. За прошедшие пятьдесят лет роль русских в республике в МССР постоянно возрастала, и это происходило за счет национального большинства республики. Из всех союзных республик лишь Казах-

Влад Нанца (Vlad Nanca, Румыния). Из серии «Машины». 2005–2007, инсталляция, фото. Работа предоставлена автором

37. S. K. Grossu, «Organele de conducere sînt de datoare să nu admită abateri de la realitate», *Nistru* (сентябрь 1989 г.) 68–69; 71.

38. «Reglementarea toponomiei moldovenești», *Moldova Socialistă* (14 марта 1989 г.) 3; «La Prezidiul Sovietului Suprem al RSS Moldovenești», *Moldova Socialistă* (15 марта 1989 г.) 2; «Reglementarea antroponimiei moldovenești», *Moldova Socialistă* (26 марта 1989 г.) 3.

39. Ion Druță, «Anevoioasa trecere de la vorba la fapte», *Moldova Socialistă* (5 марта 1989 г.) 1.

40. Ion Druță, «Grîul și neghina», *Tinerimea Moldovei* (30 августа 1989 г.) 4.

41. См. «Documentul Final» (1989 г.) 2; и «Declarația de independență a Republicii Moldova», *România Liberă* (28 августа 1991 г.) 8.

стан уступал Молдавии по проценту представителей титульной нации, представленном в республиканском руководстве⁴².

Таким образом большая часть дискурса оппозиционных группировок по языковому вопросу обнаружила стремление молдаван утвердить и в конечном счете переформулировать свою национальную идентичность. Когда правительство решило провести опрос, чтобы ознакомиться с общественным мнением по языковому вопросу, несколько молдаван заявили в республиканской печати, что ответы не-молдаван не должны засчитываться; «включая ответы представителей всех национальностей, — утверждали они, — власти тем самым отнимали у молдаван право решать, на каком языке разговаривать в своей собственной республике»⁴³.

ОТДЕЛЬНАЯ МОЛДАВСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ?

Среди румынских политических деятелей и западных ученых вердикт относительно молдавской национальной идентичности был единодушен: поскольку понятие отдельной «молдавской» нации было порождением советской пропаганды и изобретенная идентичность предназначалась для обслуживания определенного набора советских политических целей, молдаване, если бы им была предоставлена такая возможность, бросились бы воссоединяться со своими собратьями с западного берега Прута. Сбросив с себя оковы коммунистического табу, наложенного на обсуждение бессарабского вопроса, политики, ученые и журналисты постчаушесковской Румынии начали кампанию за возвращение *fratii nostril din peste Prut* — наших братьев по ту сторону Прута — в общее румынское лоно. И хотя президент Румынии Ион Илиеску отрицал какие-либо территориальные претензии на Молдавию⁴⁴, другие румынские руководители не проявляли аналогичную осторожность. Министр иностранных дел Адриан Нэстасе неоднократно делал заявления по поводу молдавско-румынского воссоединения «по немецкой модели»⁴⁵. Газета *Romania Libera*, которая в целом придерживалась антиправительственных позиций, неоднократно выдвигала требования по вопросу воссоединения, упрекая Илиеску за то, что он не сделал «ни единого шага к достижению священной цели — воссоединению»⁴⁶. Официальные представители румынского правительства, либеральная

оппозиция и крайне правые силы Румынии, невзирая на все свои политические разногласия, были едины в молдавском вопросе: это часть Румынии, поскольку, как указал другой автор *Romania Libera*, «если и есть на свете место, где проживают большие румыны, чем в самой Румынии, то это Бессарабия»⁴⁷.

Наблюдатели на Западе, конечно же, проявили большую сдержанность, чем румыны, в том, что касается призывов к объединению Молдовы с Бессарабией, главным образом потому, что масштабы этно-территориальных споров в Юго-Восточной Европе уже оказались неподъемными для Европейского Сообщества и для ООН; никто в здравом уме не жаждал добавить бессарабский вопрос к и без того длинному списку территориальных «вопросов» в Юго-Восточной Европе — Македония, Босния-Герцеговина, Крым, Косово, Воеводина... список можно продолжать. Тем не менее западные специалисты положительно восприняли весть о кончине придуманного «молдавского» языка, а вместе с ним, как они полагали, и исчезновения химерической «молдавской» идентичности. Как Николас Дима отметил в недавней монографии по Молдове, «суть вопроса заключается в том, что молдаване на самом деле являются румынами... И те и другие являются на самом деле одним и тем же народом, говорящим на одном языке»⁴⁸.

Но хотя абсурдность идеи «молдавского» как отдельного языка была доказана, идея молдаван как отдельного народа оказалась куда более живучей. Мирча Снегур, теперь уже первый президент полностью независимой Республики Молдова, стал горячим поборником идеи существования «двух суверенных и независимых государств» (Молдовы и Румынии) и, к вящему ужасу румын, часто употребляет выражение *rororul moldavenesc* — «молдавский народ»⁴⁹. Главный помощник Снегура и сопредседатель Молдавской социал-демократической партии Оазу Нантой выразился предельно ясно: «молдавско-румынское объединение столь же вероятно, как падение луны на землю»⁵⁰.

Несмотря на ностальгию по «Великой Румынии», на западном берегу Прута, в Молдове, призывы к воссоединению остались без ответа. В 1991 году, когда Народный фронт стал более активно выступать за воссоединение, он утратил самый большой сегмент своих сторонников — молдавское крестьянство⁵¹. С тех пор стал расширяться раскол

42. «Языком цифр» *Аргументы и Факты* 2 (1990 г.) 5.

43. «Punctul 10 (11): sfidare fără precedent», *Literatura și Arta* (4 мая 1989 г.) 7. См. также «Scrisoare deschisă Prezidiului Sovietului Suprem al RSS Moldovenești», *Învațământul Public* (6 мая 1989 г.) 2.

44. См. Jean-Baptiste Naudet, «M. Ion Iliescu a recontre l'Chisinau le president de la Moldavie», *Le Monde* (20 мая 1992 г.) 3.

45. «Adrian Năstase: «În viitor o unificare după modelul German», *România Liberă* (9 августа 1991 г.) 8.

46. Valeriu Gaur, «Istoria se repetă», *România Liberă* (12 марта 1992 г.) 1.

47. Tudor Arteni, «Sînt mai buni și mai chinuți ca noi», *România Liberă* (4–5 апреля 1992 г.) 1. Любой выпуск ультраправой газеты *România Mare* (вторая по распространению еженедельная газета) выражает то же мнение.

48. Nicolas Dima «From Moldavia to Moldova: The Soviet-Romanian Territorial Dispute» (Boulder: East European Monographs, 1991) 3–4.

49. «Președintele Mircea Snegur în România», *Moldova Suverană* (20 июня 1991 г.) 1; 3.

50. Александр Того «Разрешение конфликта в Приднестровье сравнимо только с излечением тяжелообольного», *Независимая Газета* (16 мая 1992) 3.

51. См. Vladimir Socor, «Why Moldova Does Not Seek Reunification with Romania», RFE/RL Research Report (31 января 1992) 27–33.

между Народным фронтом с одной стороны и правительством Снегура, а также большинством населения Молдовы — с другой. То, что было когда-то широким массовым движением, теперь состояло лишь из кучки радикально настроенных кишиневских интеллигентов. В конце 1991 года Григорий Виеру, выражаясь в духе народников XIX века, признал, что молдавской интеллигенции сначала нужно взять на себя трудную задачу по пробуждению чувства «румынскости» в молдавском населении, прежде чем начинать разговор о воссоединении⁵². Некоторые молдаване даже предложили свою собственную альтернативу *Romania Mare* — *Moldova Mare* — «Великую Молдову», т. е. восстановление средневекового княжества Молдова, земли которого были разделены между Украиной, Румынией и собственно Республикой Молдовой⁵³.

Языковой конфликт 1988–1989 гг. был первым этапом того, что перешло в широкомасштабные дебаты об основах молдавской идентичности. В течение 1988 и 1989 годов решение проблемы статуса и орфографии молдавского языка рассматривались реформаторами как первый шаг не только на пути к исправлению статуса молдаван «в их собственной республике», но и, по словам Друцэ, «на пути к восстановлению нашей национальной этничности». Однако ориентация этой «национальной этничности» отнюдь не была ясной. По сути дела, вопреки ожиданиям румын и многих западных ученых, призывы некоторых молдаван к своим «запрутским братьям», а также румынские призывы к восстановлению *Romania Mare* вступали в конфликт с уже сформировавшейся отдельной молдавской этнической (или даже национальной) идентичностью.

Заключительный документ *Marea Adunare Nationala* является иллюстрацией этого конфликта. ВНС потребовала, чтобы «национальный язык, давший свое имя республике, получил статус государственного языка» и чтобы «национальные символы нашего народа (*pororul nostru*)» (такие как герб с изображением головы зубра) были восстановлены. В то же время, в заключительном документе говорилось, что полный суверенитет Молдовы зависит от «восстановления исторического имени нашего народа (*pororul nostru*), которое он носил веками... — *румынский* — и название его языка — *румынский язык*»⁵⁴. Явно имела место некая путаница относительно того, что же именно означало выражение «наш народ». С одной стороны, «язык, давший свое имя республике», и герб с головой зубра указывали на название «молдавский»; но с другой стороны, в документе ясно говорилось, что «историческое имя нашего народа» было «румынский». Точно так же, как Грос-

су в свое время доказывал, что молдавский и румынский языки были одновременно одинаковыми и разными, в документе ВНС были названы два противоречащих друг другу определения *pororul nostru*: молдавский и румынский.

Конечно, никто не ожидал от такого рода дискурса полной логической последовательности; по сути дела, одна из первичных функций любого дискурса на тему этничности или национальности как раз и заключается в том, чтобы смешать набор соперничающих друг с другом идентификаций в сложный, более или менее последовательный, а порой и противоречивый артефакт — «этнос» или «нацию». Однако внутренние противоречия такого рода дискурса указывают на линии разлома, которые при достаточном внешнем давлении могут поставить под угрозу способность дискурса примирить конкурирующие составляющие национальной идентификации. Эти линии раскола в дискурсе о молдавской идентичности расширились с момента провозглашения независимости в августе 1991 года, по мере того как радикальный Народный Фронт соперничал со сторонниками Снегура за право представлять «подлинную идентичность» молдаван. Для Фронта и его союзников «молдавская» идентичность должна была стать, в лучшем случае, региональной идентичностью в рамках Великой Румынии. Для Снегура и других, выступавших против молдавско-румынского союза, молдаване в первую очередь должны были быть привержены полностью независимой Республике Молдова, государству, которое, несмотря на то, что его граждане могли разделять определенные общие культурные ценности с румынами, должно было оставаться политически отдельным от Румынии.

Таким образом, языковые споры в Молдове разворачивались вокруг гораздо большего вопроса, нежели какому языку следует предоставить статус государственного и на каком алфавите молдавские школьники будут учиться писать и читать. В основе своей эти споры означали исследование, разрушение, переформулирование и даже восстановление молдавской идентичности — проекты, которые с 1989 года уступили место разгоряченным спорам относительно места Молдовы в восстановленной Великой Румынии и значения молдавской независимости. По иронии судьбы языковые споры конца 80-х больше способствовали укреплению молдавской идентичности, нежели десятилетия советской политики. Сохранятся ли в будущем «два румынских государства» будет зависеть от силы румынского ирредентизма, прагматизма политического руководства в Кишиневе, Бухаресте, Киеве и Москве и, не в последнюю очередь, от решения болезненной проблемы русских и гагаузских сепаратистов в рамках Республики Молдова. Каким бы ни был результат, молдавская идентичность, в отличие от молдавского языка, оказалась гораздо менее химеричной, чем кому-либо могло показаться.

Перевод Кристины Батог

52. «Unirea nu se proclama la mitinguri». *Dimineata* (27 ноября 1991) 1;5.

53. Socor, «Why Moldova» (1992) 29. См. также интервью с бывшим молдавским премьер-министром Mircea Druc: Anatolie Condiu, «Pentru mine, al doilea război mondial nu s-a terminat», *Curierul National* (1 мая 1992) 1; 4.

54. «Documentul final» (1989) 2.